

■ ■ ■ Формы взаимодействия в условиях управления социальной реальностью: «драматическая метафора» Б. Пирса и В. Кронена

Андриянова Т.В.

Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация.

Аннотация. В статье предлагается авторский подход к изучению различных форм взаимодействий, проявляющихся при использовании «драматической метафоры» Б. Пирса и В. Кронена в условиях управления социальной реальностью. Показаны источники появления и специфика «драматической метафоры» в рамках теории координированного управления смыслом; отмечены возможности данной метафоры в русле управления социальной реальностью традиционного и современного общества на основе коммуникационного подхода. В качестве методологической основы исследования выступают работы А.А. Грицанова, представляющего социальную реальность в контексте интерсубъективности; Б. Пирса и В. Кронена, разработавших иерархическую модель организации смыслов действующих лиц; Ф.И. Шаркова, выделившего специфику управления социальной реальностью массового общества. На основе проведенного исследования автор делает вывод, что, выработанные в условиях использования «драматической метафоры» формы взаимодействия, могут способствовать становлению управления как инструмента грамотного моделирования социальной реальности современного общества.

Ключевые слова: взаимодействие, управление, «теория координированного управления смыслом», социальная реальность, «драматическая метафора»

Для цитирования: Андриянова Т.В. Формы взаимодействия в условиях управления социальной реальностью: «драматическая метафора» Б. Пирса и В. Кронена // Коммуникология. 2022. Том 10. № 1. С. 29-40. DOI 10.21453/2311-3065-2022-10-1-29-40.

Сведения об авторе: Татьяна Владимировна Андриянова – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета. Адрес: 305004, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 29. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2021. *Принята к печати:* 10.02.2022.

Концептуализируя поле социальной реальности в рамках различных коммуникационных теорий, многие исследователи отмечают возможности управления им как когерентный процесс, в котором объединяются различные научные знания [Banas & Rains; Banks, Squires & Anhalt; Cohen; Grene; Rogers, Hart & Miike]. Одним из перспективных направлений здесь является теория координированного управления смыслом, научное осмысление которой автор уже предлагал на страницах своих работ [Андриянова 2019; 2021a; 2021b; 2021c]. Однако, периодически возникающий интерес к драматизации / театрализации объектов и процессов в социальных исследованиях [Клишина], побуждает нас обратиться

к истокам ее появления в русле вышеуказанной теории и выявить, интересующий нас, управленческий ракурс.

За основу понимания социальной реальности в данном исследовании мы принимаем предложенную А.А. Грицановым интерессубъективную трактовку, предполагающую, что «миры природы и культуры являются общими для всех людей» [Грицанов: 133], а эта общность, в свою очередь, «обусловлена взаимной коммуникацией индивидов и присутствием универсального языка социального описания» [Грицанов: 133]. Отсюда вытекают такие методологически важные для нашего исследования понятия как интерессубъектность, межличностная и межгрупповая коммуникация, структура языка и т.д.

Истоки «драматической метафоры» Б. Пирса и В. Кронена

Объясняя появление термина «координированное управление смыслом» в своих работах второй половины XX века, Б. Пирс и В. Кронен указывают на развитие моделей измерения теории человеческой коммуникации [Pearce & Cronen]. Они выделяют здесь структурный компонент в русле теории структурного функционализма, который сосредотачивается на так называемом холоническом взаимоотношении между интерперсональной и интраперсональной системами, в которых правила описывают процесс восприятия информации индивидами.

Термин «холон» используется в данном случае как комбинация греческого *holos* («целое») и суффикса *-on* («частица») для восполнения недостающей связи между атомизмом и холизмом и преодоления дуалистического образа мышления в терминах «частей» и «целого», который представлен, например, в стратификационном подходе. Исследователи отмечают, что иерархически организованное целое не может быть «сведено» к его элементарным частям, но оно может быть «разделено» на составляющие его направления холонов [Koestler: 107]. Представить явление холонически – значит, по Э. Кёстлеру, рассматривать постоянные сущности как лица Януса, как части и целое, в отличие, например, от М. Вебера, описывающего личность, а не социальный порядок в качестве соответствующей единицы анализа, Б. Малиновского [Korta], выбравшего ситуации или Л. Витгенштейна [Wittgenstein], соотносящего отдельные высказывания с языковыми играми [Pearce & Cronen: 61-89]. Концепция холона подразумевает, что ни один из данных исследователей не является полностью правым: люди сами по себе являются системами, но также являются составными частями других систем, которые более обширны в пространстве или времени [Pearce & Cronen: 101]. Пирс и Кронен подчеркивают, что любая теория должна включать в себя несколько единиц анализа, поэтому в своей теории коммуникации, они предлагают рассматривать людей как холонические компоненты межличностных систем. В свою очередь, само содержание теории связывает характеристики людей и структуру межличностной системы с образцами совершаемых ими коммуникативных действий.

Возвращаясь к интерперсональным системам, отметим, что они структурно ограничены: в них нет места «главному кибернетическому монитору», а индивидуумы, составляющие их основу, попеременно участвуют в многочисленных системах одновременно. Функциональный компонент данной теории описывает коммуникацию как одновременно слаженную, контролируемую и валентную по отношению ко всем её участникам. Теория структурного функционализма, в данном случае, позволяет причинам и доводам объединиться в одном когнитивном формате, являющемся самодостаточным в том смысле, что индивиды на самом деле полностью включены в интерперсональные системы.

Концепция коммуникации, разработанная Пирсом и Кроненом, является формой действия, посредством которой люди коллективно создают социальную реальность и управляют ею. Это подразумевает взаимную причинно-следственную связь между возникающими формами коммуникации с содержанием и структурой социальной реальности, что открывает доступ к теории, которая определяет коммуникаторов в более крупных социальных группах. Следуя вышеизложенному, индивиды рассматриваются как отдельные системы, которые являются одновременно холоническими компонентами межличностной системы коммуникации. Эта концептуализация так определяет характеристики человека: они по-разному переплетаются в нескольких системах, каждая из которых имеет свою собственную логику смысла и действия. Теория Пирса и Кронена фокусируется на коммуникаторах как на устойчивых объектах, действующих в зависимости от многих систем.

В соответствии с этим выводом, любая теория функционирует как миф или метафора: если теория работает как «живая» метафора, она вызовет понимание в коммуникации, а если она работает как «мертвая» метафора, она опишет переменные, которые можно наблюдать и измерять для объяснения феномена коммуникации [Pearce & Cronen: 120]. «Драматическая метафора» в таком понимании выступает и как «живая» и как «мертвая», позволяя выделить некоторые единицы измерения, необходимые для описания процессов управления социальной реальностью.

Основные формы взаимодействий в рамках «драматической метафоры»

Театр, как отмечают Пирс и Кронен, является зеркалом человеческого опыта, но иногда исследование «отраженного изображения» может быть более показательным, чем наблюдение за оригиналом. Различные персоналии от В. Шекспира до Э. Гоффмана считали театр полезной метафорой, однако у Пирса и Кронена есть особая версия театра: «произвольная / ненаправленная пьеса» (undirected play), которую они, представляя, сопоставляют с другими.

«Ваша точка зрения, как и у Бога, романиста или социального теоретика, подразумевает всеведение. Вы можете просматривать “произвольную / ненаправленную пьесу” в целом или из любого конкретного местоположения. Акустика и линии обзора для вас идеальны. Представьте себе большое пространство с не-

четкими и далекими границами, внутри которых беспорядочно расположены многочисленные скопления объектов. Некоторые кластеры являются изолированными, некоторые – смежными. Некоторые кластеры кажутся тематическими, как связные наборы для игры, с опорами, сфокусированным освещением и так далее. Другие частично или непостоянно освещены или находятся в темноте. Есть места, которые хорошо освещены, но лишены всякого реквизита. Некоторые кластеры кажутся выброшенными из хранилища или магазина припасами, или бессмысленными комбинациями несовместимых материалов. Представьте все, что хотите...» [Pearce & Cronen: 120, перевод автора].

Далее в эту область вводят большое количество людей, которые знают, что они важная часть драматического спектакля, но не знают, какой спектакль создается; в какой роли они в нем участвуют (должны ли они быть членами съемочной группы, актерами или зрителями?); кто еще участвует в их спектакле. Если предположить, что все люди знают, по крайней мере, несколько строк из некоторых пьес, то все равно разные люди знают только определенные пьесы, могут сыграть в каждой пьесе определенное количество героев и по-разному умеют определять, какая пьеса создается.

В результате люди переходят из группы в группу в надежде найти ту постановку, в которой им позволено будет сыграть роль, которую они знают или могут симпровизировать. Пирс и Кронен приводят пример человека, вступившего в определенную группу посредством знакомства или просьбы и «выступающего» в роли Гамлета или Офелии. Если другие, в этом случае, отвечают репликами Полония и Гамлета, тогда связь может продолжаться. Более вероятно, однако, что роль Офелии будет написана в стиле Софокла, и это может привести к путанице, разочарованию и обвинениям. Возможно, человек остается в этой группе и попробует другой набор слов или строки из другой пьесы или, возможно, будет искать дальше в надежде найти где-нибудь «Гамлета, с которым Офелия еще не сыграла».

Используя представленную точку зрения, Пирс и Кронен предлагают взглянуть на всю данную область с позиции «олимпийского бога»: «Сцена представляет собой какофонический бедлам с изолированными зонами когерентности [Pearce & Cronen: 121, перевод автора]. Некоторые группы людей достигли здесь согласованности, ориентируясь на объекты в одном из кластеров, позволяя, например, образу церкви определять соответствующие роли и сценарии; другие, очевидно, случайно наткнулись на группу людей, готовых принять тот же сценарий; некоторые люди переходят из группы в группу, произнося единственные слова, которые они знают, и ругают других за собственную некомпетентность; третьи могут симпровизировать представление без единого сценария; другие спланированы вокруг людей, которые укажут им их роли уже во время представления.

Но, как отмечают Пирс и Кронен, некоторые люди не переходят из группы в группу: они родились в определенной группе, в которой они усвоили определенную роль, и они не знают или их не заботит то, что есть другие группы вне пределов слышимости, исполняющие пьесы в совершенно другом жанре. А некоторые

группы намеренно «отворачиваются» от приходящих извне индивидов, которые могут запутать ее сценами и ролями из других пьес. В этом «театре абсурда» нет режиссера, и поэтому никто не может определить, какая пьеса должна быть исполнена и у кого какие роли. Несмотря на то, что некоторые люди в различных группах предлагают себя и выполняют режиссерские функции, они остаются только частью актерского состава и в лучшем случае играют в пьесе, как Гамлет, визуализируя свои фантазии, или как Сервантес в «Дон-Кихоте», драматизируя свои аллегории.

Таким образом, как «живая» метафора, «произвольная /ненаправленная пьеса» описывает богатство разнообразия коммуникативных стилей, разнообразных способов существования людей и существенно проблематизирует природу общения. Как «мертвая» метафора, она выгодно контрастирует с другими драматическими метафорами и предлагает новые векторы для теорий и исследований.

Собственно идея использования «драматической метафоры», как отмечалось выше, не нова в социальных науках. Рассматривая драму как способ литературного описания общества, Х. Дункан [Duncan] и К. Бёрк [Burke] в 60-х годах XX века выработали полезное понимание культурных и социальных процессов как проявлений мотивов виктимизации (преследования), идентификации, иерархии и так далее. Э. Гоффман использовал драматическую метафору при анализе социальных взаимодействий, варьирующихся по размеру от институциональных до диадических [Goffman]. В социальной психологии драматическая метафора («мертвый и забальзамированный») реально представлена как теория ролей и претендует на интеграцию социальных наук [Biddle & Thomas; Pattison]. Многие социологи используют эту метафору более свободно, чтобы представить анализ разговоров между людьми или социальной структуры [Briesett, Edgley & Stebbins].

Хотя истинность, как указывают Пирс и Кронен, не является подходящим критерием для метафоры, можно сказать, что все метафоры ошибочны или искажают свои источники, но некоторые ошибочны в более «полезном» смысле, чем другие. Большинство существующих применений «драматической метафоры», по-видимому, дают по их мнению, непродуктивные результаты в двух случаях. Во-первых, за возможным исключением Бёрка, когда используется глубоко буквальное рассмотрение метафоры только как «мертвой», что согласуется с аристотелевским определением метафоры как сравнения, заявленного без явной аналогии «вроде» или «как». Однако исследователи считают, что живое чувство метафоры жизненно важно. Во-вторых, представляется ошибочным использование здесь в качестве метафоры чего-то похожего только на бродвейские пьесы, а не всего спектра театральных возможностей. Эти два противоречия объединяются, как отмечали В. Донохью, Д. Кушман и Р. Хофсингер, для создания анализа социальных действий в полном сценарии, со всеми назначенными частями, полным набором реквизита и соглашением в той степени, в которой присутствует муза (например, автор этикета или социолог, проводящий описательные исследования), которая будет «шептать подсказки», если один из актеров на мгновение запнулся [Donohue, Cushman & Hofsinger].

Этот образ полностью прописанного и взвешенного социального порядка вполне может быть адекватным для контекста традиционного общества [Hall], но не для современного общества, в котором ценятся перемены, а запутанные ситуации являются нормальными [Gerst, Krämer & Salomon]. Метафора «произвольной / ненаправленной пьесы» приводит к более «продуктивным» ошибкам, включая возможность использования нескольких сценариев, импровизационного театра, пьес в пьесах, полного хаоса и т.д., происходящих одновременно в разных местах. Характер взаимосвязи между исполнением и существующим сценарием или социальной реальностью становится переменной, подлежащей обсуждению коммуникаторами и эмпирически определяемой исследователями.

Устанавливая связи между «драматической метафорой» и теорией координированного управления смыслом, необходимо отметить, что «произвольная / ненаправленная пьесы» достаточна для того, чтобы «начать расследование», но недостаточно точна, чтобы направить его. Даже когда коммуникация обнаружена, феномены не приходят, как отмечают Пирс и Кронен, «расфасованными и предвительно маркированными для анализа» [Pearce & Cronen: 122].

Для большей наглядности они предлагают представить некий «гипотетический съезд Совета коммуникационных обществ», на котором различные эксперты должны проанализировать одно и то же коммуникационное событие, например, устную беседу между двумя людьми. Есть смысл предполагать, что разговор будет одновременно восприниматься и описываться одним лингвистом как серия звуков, представленных международным фонетическим алфавитом, а другим – как набор предложений, имеющих определенную грамматическую структуру; одним философом-лингвистом – как серия ссылок и предикаций, а другим – как серия или речевые акты другого вида; этнографом – как участие в культурно-санкционированной игре, а психоаналитиком – как символическое выражение, лежащее в основе личности; психологом-гуманистом – как этически недостойное манипулирование другими людьми, а политологом или теологом – как акт подстрекательства к мятежу или богохульства или как использование социальных правил для достижения координации между нами. Можно сказать, что эти эксперты наблюдают за одной и той же вещью только благодаря двусмысленному использованию языка, и последующий научный дискурс между ними вряд ли будет продуктивным или хотя бы последовательным.

Поскольку, как показывают Пирс и Кронен, явления коммуникации не имеют четкой маркировки, дебаты между сторонниками или противниками различных концепций вызвали значительное оживление в научном мире и освещались в соответствующей литературе. Несмотря на предположение Г. Миллера и Ч. Бергера [Miller & Berger] о том, что более пристальное внимание к данным устраняет необходимость в метатеоретическом выборе, все теории основываются на ряде определений природы явлений, и данные в результате имеют свойства быть обусловленными этими определениями. В данном случае лучшее, что могут сде-

лать исследователи, – и наименьшее, что они должны сделать, – четко сформулировать свои предположения и найти наиболее полезный исходный термин.

Этот исходный термин является первым приближением к объяснению метафоры. Он описывает опыт, вызванный «живой» метафорой, и устанавливает параметры для дальнейшей разработки в последовательную и строгую теорию: «Исходный термин прекращает жизнь метафоры, по крайней мере, до некоторой степени так же, как научное объяснение разрушает юмор в шутке» [Pearce & Cronen: 123, перевод автора].

«Драматическая метафора» и теория координированного управления смыслом в условиях социальной реальности

Участников «произвольной / ненаправленной пьесы» можно исследовать с разных точек зрения, но теория координированного управления смыслом Пирса и Кронена предполагает, что они должны рассматриваться с точки зрения средств и степени, в которой они координируют смысл своих действий. Этот исходный термин может быть разделен и объяснен с точки зрения людей, систем межличностных правил и форм общения: (1) термин «управление смыслом» требует описания людей; (2) термин «координированное управление» объясняется в терминах межличностных правил для смысла действия; (3) «координированное управление смыслом» дает возможность описать различные формы коммуникации.

1. Если вернуться к «драматической метафоре», «когда люди приближаются к группе, они слышат или видят только нарушения в контексте окружающей среды в форме, например, акустической или оптической нервной стимуляции и в какой-то момент этого процесса обе драмы и Шекспира, и Вуди Аллена превращаются в нейроэлектрические импульсы» [Pearce & Cronen: 124-125, перевод автора].

Способность индивидов интерпретировать эти импульсы как строки из пьесы и отвечать на высказывание соответствующей следующей строкой представляется замечательным явлением, включающим управление смыслом. Пирс и Кронен вводят здесь фигуру «всеведующего» наблюдателя, представляющего кто уже знает сценарии и роли, кто узнаёт сценарии посредством ролевого обучения, а также выделяющего тех, кто обладает навыками импровизации и рекламы, что имеет огромное значение для понимания всей этой «какофонии». Такой наблюдатель может объяснить, почему конкретная группа не цепляется упрямо за принимаемый ею сценарий (например, как единственный, который они все знают); почему отдельных людей тянет к одним группам и они избегают других – «если все, что может сыграть актер, это Ретт Батлер, то найдется немного постановок, в которых он мог бы поучаствовать» [Pearce & Cronen: 125, перевод автора]; почему некоторые группы настолько противоречивы (ведь они думают, что импровизация – высшая форма драмы) и так далее. Наблюдатель может даже предсказать, случится или не случится какое-либо событие в данной группе.

Все эти способности наблюдателей (под которыми Пирс и Кронен понимают ученых) зависят от их понимания смысла действий актеров. На фоне предприня-

тых согласованных усилий по исключению когнитивных переменных из научных теорий человеческого поведения в конце XX века, исследователи отмечают, что в будущем будет очень трудно убедить кого-либо в серьезности некогнитивных подходов к человечеству. Но на практике и сейчас можно столкнуться с интеллектуальной средой, «в которой исследователи должны извиниться за то, что посмели предположить, что люди действуют исходя из своих интерпретаций смысла вещей» [Pearce & Cronen: 125, перевод автора].

В нескольких исследованиях Пирс с различными соавторами предложили иерархическую модель организации смыслов действующих лиц, которая включает от четырех до семи уровней, хотя этот список не всегда одинаков [Pearce; Pearce & Conklin; Pearce, Cronen & Conklin; Cronen, Pearce & Harris].

2. Как и в представленной выше «драматической метафоре», в своем определении коммуникации исследователи фокусируют внимание на коллективных, совместных действиях людей. В связи с этим возникает вопрос о том, как следует анализировать действия отдельных людей по отношению к группе. Пирс и Кронен в этой связи предлагают термин «координация» в качестве родового для межличностных действий, поскольку координация по своей сути является трансперсональной, она переориентирует исследование в сторону от двух менее продуктивных направлений: внутриличностного управления смыслом и межличностного управления смыслами других людей [Pearce & Cronen: 149].

3. Пирс и Кронен отмечают, что использование фразы «координированное управление смыслом» привлекает внимание как к характеристикам людей как обработчиков информации, так и к системам межличностных правил как средоточию действия. Оба они необходимы для объяснения форм, в которых происходит человеческая коммуникация. Исследователи отмечают, что в данном случае «каждый человек может быть изображен как альтернативно создающий сообщения в соответствии со своими правилами и предыдущим сообщением» [Pearce & Cronen: 169, перевод автора]. Кроме того, каждый человек постоянно отслеживает возникающую последовательность сообщений, задавая следующие вопросы: «Что мы делаем?», «Кто контролирует то, что мы делаем?», «Нравится ли мне то, что мы делаем?». На эти вопросы можно ответить, используя, по Пирсу и Кронену, три термина: когерентность как согласованность актов, контроль как дескриптор коммуникации и валентность как оценку индивидом возникающего эпизода.

Выводы. Как отмечают в своих исследованиях Ф.И. Шарков, В.А. Михайлов и С.В. Михайлов, массовое общество имеет свою специфику управления социальной реальностью, связанную не только с особыми типами культуры, сознания и личности, но и с главенствующей ролью средств массовой информации, замыкающих на себя все основные информационные потоки. Именно они «становятся основным полем самого бытия общественного мнения и, ... главным каналом влияющего воздействия на общественно мнение» [Шарков и др.: 73], в чем можно

обнаружить управленческие тенденции. Подчеркнем еще одну важную для нашего исследования мысль, высказанную здесь же: современное общество формирует новые черты «во взаимодействии интраперсонального, межличностного, специализированного и массового способов информационно-коммуникационного общения» [Шарков и др.: 73-74], которое зачастую приобретает безличностный характер, определяющий специфику коммуникации.

Таким образом, выработанные в условиях использования «драматической метафоры» формы взаимодействия, могут способствовать становлению управления как инструмента грамотного моделирования социальной реальности современного общества.

Источники

Андриянова Т.В. (2019). Исследовательский потенциал теории координированного управления смыслообразованием в управлении социальными процессами // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. С. 184-189.

Андриянова Т.В. (2021а). «Общественный диалог» и его управленческие перспективы в коммуникационной теории У.Б. Пирса и В.Э. Кронена // Коммуникология. Том 9. № 1. С. 151-159. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-1-151-159.

Андриянова Т.В. (2021b). «Общественный диалог» в социокультурной среде и его управленческие перспективы в коммуникационной теории У.Б. Пирса и В.Э. Кронена (продолжение) // Коммуникология. Том 9. № 2. С. 51-66. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-2-51-66.

Андриянова Т.В. (2021с). Теория коммуникации как когерентная область на рубеже XX-XXI веков в контексте управленческого воздействия // Векторы благополучия: экономика и социум. №2 (41). С. 1-13. DOI: 10.18799/26584956/2021/2(41)/1113.

Грицанов А.А. (2008). Социальная реальность: осмысление основных парадигм // Вопросы социальной теории. Том II. Вып. 1 (2). С. 133-147.

Клишина О.С. (2011). Изучение драматического произведения методом фокус-групп (этносоциологический анализ пьесы А.Н. Островского «Лес») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. №8 (14). С. 96-110.

Шарков Ф.И., Михайлов В.А., Михайлов С.В. (2019). Общественное мнение: информационно-коммуникативный аспект // Коммуникология. Том 7. №1. С. 66-77. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-1-66-77.

Banas J.A., Rains S.A. (2010). A Meta-Analysis of Research on Inoculation Theory. *Communication Monographs*. No. 77 (3). P. 281–311. DOI:10.1080/03637751003758193.

Banks T., Squires G., Anhalt K. (2014). Interdisciplinary Collaboration: Cognitive Behavioral Interventions in Special Education and School Psychology. *Creative Education*. Vol. 5. № 10. DOI: 10.4236/ce.2014.510089.

Biddle B.J., Thomas E.J. (1966). *Role Theory: Concepts and Research*. N.Y.: Wiley.

Briesett D., Edgley Ch., Stebbins R.A. (1975). *Life as Theater*. Chicago: Aldine.

Burke K. (1969). *A Rhetoric of Motives*. Berkeley: University of California Press.

Cohen M. (2013). *Novel Approaches to Anthropology: Contributions to Literary Anthropology*. N.Y.: Lexington Books.

Cronen V.E., Pearce W.B., Harris L.M. (1979). The Logic of the Coordinated Management of Meaning: A Substantive Approach to Communication Education. *Communication Education*. No. 28. P. 22-38.

- Donohue W., Cushman D.P., Hofsinger R.E. Jr. (1980). Creating and Confronting Social Order: A Comparison of Raise Perspectives. *Western Journal of Speech Communication*. No. 44. P. 5-10.
- Duncan H.D. (1968). *Communication and Social Order*. London: Oxford University Press.
- Gerst D., Krämer H., Salomon R. (2019). Harold Garfinkel's «Studies in Ethnomethodology». An Interview Project. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. No. 20 (2). DOI: 10.17169/fqs-20.2.3288.
- Goffman E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, N.Y.: Doubleday.
- Greene M. (2015). *The Anatomy of Knowledge*. N.Y.: Routledge.
- Hall E.T. (1977). *Beyond culture*. Garden city, N.Y.: Doubled.
- Koestler A. (1978). *Janus: A Summing Up*. N.Y.: Random House.
- Korta K. (2008). Malinowski and pragmatics: Claim making in the history of linguistics. *Journal of Pragmatics*. No. 40 (10). P. 1645-1660. DOI:10.1016/j.pragma.2007.12.006/.
- Miller G.R., Berger Ch.R. (1977). On Keeping the Faith in Matters Scientific. *Western Journal of Speech Communication*. No. 41. P. 44-57.
- Pattison E.M. (2015). Role Theory: Concepts and Research. *International Journal of Group Psychotherapy*. No. 17 (3). P. 404-405. DOI: 10.1080/00207284.1967.11643041.
- Pearce W. (1976). The Coordinated Management of Meaning: A Rules Based Theory of Interpersonal Communication. In: G.R. Miller (ed.) *Explorations In Interpersonal Communication*. Beverly Hills: Sage. P. 17-35.
- Pearce W.B., Conklin F. (1979). A Model of Hierarchical Meanings in Coherent Conversation and a Study of Indirect Responses. *Communication Monographs*. No. 46. P. 75-87.
- Pearce W.B., Cronen V. (1980). Communication, action, and meaning: The creation of social realities. New York: Praeger. P. 99-109.
- Pearce W.B., Cronen V.S., Conklin F. (1979). On What to Look at When Analyzing Communication: A Hierarchical Model of Actions' Meanings. *Communication*. No. 4. P. 195-221.
- Rogers E.M., Hart W.B., Miike Y. (2002). Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan. *Keio Communication Review*. No. 24. P. 3-26.
- Wittgenstein L. (1967). *Philosophical investigations*, 3rd ed. (G.E.M. Anscombe, Trans.). Oxford, UK: Blackwell.

■ ■ ■ Forms of Interaction in the Conditions of Social Reality Management: Dramatic metaphor by B.W. Pierce and V.E. Kronen

Andriyanova T.V.

Kursk State University, Kursk, Russia.

Abstract. The article represents the author's approach to the study of various forms of interactions manifested when using the «dramatic metaphor» by B.W. Pierce and V.E. Kronen in the conditions of social reality management. The sources of the appearance and specificity of the «dramatic metaphor» within the framework of the theory of coordinated management of meaning are shown; the possibilities of this metaphor in line with the management of the social reality of traditional and modern society on the basis of a communication approach are noted. The methodological basis of the research is the works of (a) A.A. Gritsanov, representing social reality in the context of intersubjectivity; (b) B.W. Pierce and V.E. Kronen, who developed a hierarchical model of the organization of the meanings of actors; (c) F.I. Sharkov, who highlighted the specifics of managing the social reality of mass society. Based on the

conducted research, the author concludes that the forms of interaction developed under the conditions of using a «dramatic metaphor» can contribute to the formation of management as a tool for competent modeling of the social reality of modern society.

Keywords: interaction, management, «theory of coordinated management of meaning», social reality, «dramatic metaphor»

For citation: Andriyanova T.V. (2022). Forms of Interaction in the Conditions of Social Reality Management: «Dramatic Metaphor» by B.W. Pierce and V.E. Kronen. *Communicology (Russia)*. Vol. 10. No. 1. P. 29-40. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-29-40.

Inf. about the author: Andriyanova Tatyana Vladimirovna – CandSc (Sociol.), associate professor at the Department of Sociology, Kursk State University. Address: 305004, Russia, Kursk, Radishchev st., 29. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

Received: 12.12.2021. *Accepted:* 10.02.2022.

References

- Andriyanova T.V. (2019). Research potential of the theory of coordinated management of meaning formation in the management of social processes. In: Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements: materials of the IV Intern. scientific-practical. Internet Conf., Vologda, March 25 – April 2, 2019. Vologda: VolRC RAS. P. 184-189 (In Rus.).
- Andriyanova T.V. (2021a). «Public dialogue» and its managerial perspectives in the communication theory of B.W. Pierce and V.E. Kronen. *Communicology*. Vol. 9. No. 1. P. 151-159. DOI: 10.21453 / 2311-3065-2021-9-1-151-159 (In Rus.).
- Andriyanova T.V. (2021b). «Public dialogue» in the socio-cultural environment and its managerial perspectives in the communication theory of B.W. Pierce and V.E. Kronen (continued). *Communicology*. Vol. 9. No.2. C. 51-66. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-2-51-66 (In Rus.).
- Andriyanova T.V. (2021c). Communication Theory as a Coherent Area at the Turn of the 20th-21st Centuries in the Context of Management Influence. *Wellbeing Vectors: Economics and Society*. No. 2 (41). P. 1-13. DOI: 10.18799/26584956/2021/2(41)/1113 (In Rus.).
- Banas J.A., Rains S.A. (2010). A Meta-Analysis of Research on Inoculation Theory. *Communication Monographs*. No. 77 (3). P. 281–311. DOI:10.1080/03637751003758193.
- Banks T., Squires G., Anhalt K. (2014). Interdisciplinary Collaboration: Cognitive Behavioral Interventions in Special Education and School Psychology. *Creative Education*. Vol. 5. № 10. DOI: 10.4236/ce.2014.510089.
- Biddle B.J., Thomas E.J. (1966). Role Theory: Concepts and Research. N.Y.: Wiley.
- Briesett D., Edgley Ch., Stebbins R.A. (1975). Life as Theater. Chicago: Aldine.
- Burke K. (1969). A Rhetoric of Motives. Berkeley: University of California Press.
- Cohen M. (2013). Novel Approaches to Anthropology: Contributions to Literary Anthropology. N.Y.: Lexington Books.
- Cronen V.E., Pearce W.B., Harris L.M. (1979). The Logic of the Coordinated Management of Meaning: A Substantive Approach to Communication Education. *Communication Education*. No. 28. P. 22-38.
- Donohue W., Cushman D.P., Hofsinger R.E. Jr. (1980). Creating and Confronting Social Order: A Comparison of Raise Perspectives. *Western Journal of Speech Communication*. No. 44. P. 5-10.
- Duncan H.D. (1968). Communication and Social Order. London: Oxford University Press.
- Gerst D., Krämer H., Salomon R. (2019). Harold Garfinkel's «Studies in Ethnomethodology». An Interview Project. *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. No. 20 (2). DOI: 10.17169/fqs-20.2.3288.

- Goffman E. (1959). *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, N.Y.: Doubleday.
- Greene M. (2015). *The Anatomy of Knowledge*. N.Y.: Routledge.
- Gritsanov A.A. (2008). Social reality: understanding the main paradigms. *Issues of social theory*. Vol. II. Issue. 12. P. 133-147 (In Rus.).
- Hall E.T. (1977). *Beyond culture*. Garden city, N.Y.: Doubled.
- Klishina O.S. (2011). The study of a dramatic work using the focus group method (ethno-sociological analysis of A.N. Ostrovsky, "The Forest"). *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. No. 8(14). P. 96-110 (In Rus.).
- Koestler A. (1978). *Janus: A Summing Up*. N.Y.: Random House.
- Korta K. (2008). Malinowski and pragmatics: Claim making in the history of linguistics. *Journal of Pragmatics*. No. 40 (10). P. 1645-1660. DOI:10.1016/j.pragma.2007.12.006/.
- Miller G.R., Berger Ch.R. (1977). On Keeping the Faith in Matters Scientific. *Western Journal of Speech Communication*. No. 41. P. 44-57.
- Pattison E.M. (2015). Role Theory: Concepts and Research. *International Journal of Group Psychotherapy*. No. 17 (3). P. 404-405. DOI: 10.1080/00207284.1967.11643041.
- Pearce W. (1976). The Coordinated Management of Meaning: A Rules Based Theory of Interpersonal Communication. In: G.R. Miller (ed.) *Explorations In Interpersonal Communication*. Beverly Hills: Sage. P. 17-35.
- Pearce W.B., Conklin F. (1979). A Model of Hierarchical Meanings in Coherent Conversation and a Study of Indirect Responses. *Communication Monographs*. No. 46. P. 75-87.
- Pearce W.B., Cronen V. (1980). *Communication, action, and meaning: The creation of social realities*. New York: Praeger. P. 99-109.
- Pearce W.B., Cronen V.S., Conklin F. (1979). On What to Look at When Analyzing Communication: A Hierarchical Model of Actions' Meanings. *Communication*. No. 4. P. 195-221.
- Rogers E.M., Hart W.B., Miike Y. (2002). Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan. *Keio Communication Review*. No. 24. P. 3-26.
- Sharkov F.I., Mikhailov V.A., Mikhailov S.V. (2019). Public opinion: information and communication aspect. *Communicology*. Vol. 7. No. 1. P. 66-77. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-1-66-77 (In Rus.).
- Wittgenstein L. (1967). *Philosophical investigations*, 3rd ed. (G.E.M. Anscombe, Trans.). Oxford, UK: Blackwell.